

ТЕАТР

ПОЭЗИЯ ПРАВДЫ

Газета столичный шахтерского пруда «Вечерний Донец», удостоившая нашего лауреата республиканской премии Украинского театрального общества за 1976 год, дала хорошие отзывы на своих страницах дискуссии «Театр и город». Прежде чем завершить дискуссию, редакция обратилась к читателям с просьбой высказаться, какую роль играл театр в формировании художественного вкуса донецких предумышленных гострильных сезонов, какие из постановок в городе театральных коллективов оставили наибольший след в эстетическом воспитании читателей шахтерской столицы.

Надо сказать, что среда ответов читателей было много схожих. Авторы рады иметь разговор о большом эстетическом воздействии гострильных сезонов и в нашем городе. Социалистического русского драматического театра имени К. С. Сталинского.

Слов гастроль в Домбассе ерванские гости открыли спектаклем по пьесе Г. Лалаянца «Высота мужества» — работой своеобразной, привлекающей в равной мере и высотой гражданского звучания литературного материала и высотой проявления индивидуальности постановки.

Пьеса Г. Лалаянца рассказывает о жизни обитателей армянского села в годы Великой Отечественной войны и в преддверии войны. Своей исторической правдой — когда за частным случаем отчетливо видна типичность, когда из за обобщенного понятия о героизме поднимается во весь рост фигура советского гражданина-патриота.

Такая человеческая высота мужества человека не срается за героизмом грешных лет. Был Герой Советского Союза Сергей Оганян. И произошло то, что должно было произойти по логике высокого искусства — яро исполненный сценически, рассказ о подвиге юности из Армении, говоривший под русскими городами Ростовом, являлся благодарным слушателем в зале украинского театра имени Армена.

Гражданская тема, поднятая и затронутая ерванским театром со зрителем в заль пугав-встречи — открытие табу, — стала первым шагом на пути взаимного уважения.

О музыкальном оформлении спектакля принято говорить в постановке. Но здесь — случай особый. Главную эмоциональную воздействие спектакля на зрителей и значительную мере отразил его музыкальное оформление. Впрочем, оформление — это не самое точное понятие. Музыка — больше, чем фон, на котором происходит событие. Она — содержание поэтического действия; зритель, зритель, приближаясь к событию более чем тридцатилетней давности к нам, «озвучивают» диалог Оганяна и его товарищей с теми, кто сегодня — мы романики, кому двадцать сегодня.

Отличная актерская работа Н. Аветисяна, исполнителя главной роли — Сергея Оганяна, — общедоступная зарплата зрителей и спектакля с первым же показом. Перед актером, воспроизводящим жизнь человека, который знает, что его товарищи прощаются пожить в котором гордятся как своей историей армянского народа, стояла непростая задача — ясно, но просто, буднично, но с пафосом подлинной героизма воспроизвести характер мужественного патриота, полноту которого в подробностях знают его земляки. У Аветисяна Оганян многогодовал — суров и мягок, властен, нежен и лиричен с любимой, раскрит в друзья.

Режиссер постановки все служивший артист Армянской ССР Александр Григорян сумел выстроить в ансамбле звуковых спектакля главные ноты: истинный патриотизм и интернационализм неотделимы. Именно они питают нашу победу.

К теме героического поэзии в Великой Отечественной войне театр вернул внимание нашего зрителя постановкой спектакля «Солдатская вдова» по пьесе Аветисяна. Спектакль был принят донецкими с огромным интересом. Многие зрители встретились с работой Александра Григоряна и были испытаны радость от общения с творчеством индивидуальным, с художником пытливым мысли и неустанного воле.

Отличный же с и я воле трижды применяется в тихую зрительного зала, издается над сценой, неосознанно размышляет и вместе с тем как-то непростая хозяйственна в продуктивно загроможденная деревенским срубом. Где в том, в стол, в колодез, в том, в котором нежнолюбовно погладит в отдаленной первой картина спектакля «Солдатская вдова» соседки и грешной любви Мария и Андрей. И лес заднего сабрюного Зеленого Приваза. Спектакль очень интересен оформлен заслуженным званием искусств республики С. Арутюнян.

И если мы сложным говорить об общей главной тенденции, которую удалось проследить в работе театра, в частности главного режиссера Александра Григоряна — творческом поиске, неустанном беге мысли, высокой поэзии, казалось бы, обобщенной, выделенной, которая вымывает и символизирует, и понесу новых грешных выражений — в моралист и музыке, в построении мизансцен, в актерском повороте.

И здесь, в «Солдатской вдове», первое и главное, что наблюдалось в спектакле Григоряна «Высота мужества», «Колыбельная» — тот самый мысленный стиль повествования который подсказывает автору то интересную метафору, то необычное сравнение, то возмущающий рефрен.

Сруб старого колодез, в явственно вырастают в фантасма. С него открывается повествование, здесь начинается свой рассказ предсказатель колодез Плетнев — прекрасная работа артиста Ю. Рыжова, на протяжении всего спектакля ни разу не забываемый повод вспомнить о реальности существования своего героя — предсказатель Плетнев, которому выпала в участь в честь возрождения в хлябисте, где остались озяла только бабы в трудные военные годы. И ли, этот колодез, словно тот родной порог, от которого начинали свой тернистый путь жители Зеленого Приваза и в котором пытался как и восточнику личная стойкости в трудную минуту.

И последний диалог Мигуля и Андрея режиссер снова строит у старого колодезного «журавля». И невольно зумашь в бесконечном мечте, «журавле в небеса этой простой женщиной, потерявшей в войну все и плещущей себя, свои назначения в суждениях людях. Мария у хлябистой артистки Армянской ССР, заслужившей артистки Азербайджанской ССР Ю. Колесниченко — человек мятой и одновременно колодез, человек изумительный в умении ожить бесспорно. Актриса выбирает для своей героини костюм обыкновенности: она говорит негромко, держится неброско. Есть в этом сила правды (придет час, и за этой обыкновенностью поднимается человек, который заслужил звание Героя Социалистического Труда).

События, воспроизведенные в спектакле — это события целого ряда лет. Покой возникает ощущение заглупости спектакля. Потери темпа усугубляются некоторым смешением стилей. Когда авторы наряду с открытой безоговорочно принятой нами символической, проявляют спешность микродезала с многообразием драматической поэзией.

Но если это — проблема дискуссионная, то мне хотелось бы отметить, что в жизни реакция зрителей на умный и интересный спектакль ерванских гостей.

А потом «Маскарад» — спектакль, буквально дополняющий нас своим выразительным изображением, глубинной прочтением. Лермонтова. Спектакль, являющийся собой ярким примером благоприятности духовного творчества артиста А. Громова и артистки К. Софронюк, пронаблюдая художника в замысел режиссера. Этим режиссер заставил в зрительском зале работать на масштаб спектакля.

А потом «Маскарад» — спектакль, буквально дополняющий нас своим выразительным изображением, глубинной прочтением. Лермонтова. Спектакль, являющийся собой ярким примером благоприятности духовного творчества артиста А. Громова и артистки К. Софронюк, пронаблюдая художника в замысел режиссера. Этим режиссер заставил в зрительском зале работать на масштаб спектакля.

Огромная, воистину трагическая фигура Арбеняна талантливо воссоздана в спектакле заслуженным артистом Армянской ССР Г. Коротовым. Арбенян — человек без маски, единственный, кто не притчет лице в этом чело-веческом маскараде. Он абсолютен в своей непринятности, чуждостью света. И в предполагаемой взмине Нины для Арбеняна —

Короткова едва ли не главное, что она презала его, что заодно тем, кто мог так прерывали: «Вы были в маскарраде». Так режиссер очень остроумно и последовательно осуществляет свою концепцию «Маскарада». (Арбенян я люблю, но я долгие годы. Постановщики нет, это он не с Ниной расправляется, а с теми, кто в маскарраде общества, кто за водопоями, кто сами стоишь, кто растравляет все живое, чистое, светлое! Невестерпаева бездна недюжинной натуры Арбеняна, так по-разному так неистово проваливающейся в отношения с другими).

Арбенян и Звездич (актриса В. Аветисян) — индиз Звездич, которому Арбенян спасает состояние, честь, а может быть, жизнь и который походил, так, между прочим, лишает Арбеняна и чести, и самой жизни. Даже не со зла, скорее по логике его эстетика, по статусу маскаррада. Где нет истинных немностей — одна позода где не место личности — она не личность.

Другая линия: Арбенян и Казарян. Тонкая работа артиста И. Налаянца. Артист как бы предвещает зрительно поразмышлять над своей философией концепцией образа Казаряна как несостоявшегося Арбеняна, все время милого все видящего, своего отказать чужим и роковую трагедию Арбеняна и — не желавшего прикоснуться к ней зухой. Казарян словно останавливается на попятный слово отдалки, влет от себя правду, которая ему, полне чем кому другому, видна и понятна. Он я физически словно отталкивает от себя спичку безумия Арбеняна — не хочет присутствовать при ней, не хочет вложить в нее сердце.

Эта финальная сцена оставляет очень сильное впечатление. Сходит с ума — хочется, казался о немилости отравившийся им Нина. Арбенян С полубезумным отчаянием хочется индиз Звездич — над собой, над тем, что ему жить, да, да, не верну ни часу, ни доброго имени. И еще один человек хочется — по уму в безумной радости от сознания осуществленной мести. Невзвешенный.

Арбенян и Невзвешенный. Титан и пигмей, маленький носитель огромного зала. Черная во прахе, брошенный гуд Арбеняном, а все равно, извивался, ирричат о своей невласти Г. Коротов и В. Рыжова очень драматичны в сцене столкновения Арбеняна и Невзвешенного.

Арбенян и Шприх — завесный, всезнающий, асуду успешающий, все постигший и — вичтожный Шприх. Как он ходит — соком! Как улыбается — ластиво и зло одновременно. Отличный пример, как много может одаренный актер (роль Шприха исполняет народный артист Армянской ССР И. Григорян) даже в эпизодической роли!

Налаян, Арбенян и Нина. Сложнейший дуэт. И голос Нины в этом дуэте (артистка В. Аветисян) звучит как-то нарочито монотонно. Ее завершение в любви и Арбеняну — без особой остроты и силы, попытка объясниться с ним — не слишком ластива. И зритель думает, а ведь в своей трагической образе Нина актриса подчеркивает одиночество Арбеняна и нарочито домине на счастье.

Звучат и звучат — та же монотонно, но с подтернутым ритмом, как хронометр арчений, удары карты в карту. Изет нарочитая игра. Где торжествует неслучайный где отсутствуют законы логики, где все льбит и обещает.

И вновь вернется сцена. Прерывистые линии гаета выхваченные неслучайные фигуры в маскарраде — маленький мир, в котором задыхается, в котором не может существовать человек без маски.

Мы вспоминали — куда менее подробно, чем хотелось бы, — лишь несколько спектаклей из большого гастрольного афиши армянских гостей. А ведь все она представляла интерес, каждая строчка в ней находила свой адрес, своего зрителя.

У зрителя много твердая начать на добро. Прошел год. Целый год, неподдельный иллюзиями фантазиями и событиями в театральной жизни города. Газета «Вечерний Донец» более или менее детально речизировала, анализировала, обобщала эти факты в материал творческой дискуссии «Театр и город». И если я в вопросе, «обращающийся к читателям», чем вам запомнилось нынешнее гастрольное лето, несомненно, что этот спектакль единственно в театре «Приезд театра на Ессентуки» — это высокая оценка. Пожалуй, процитируем ее, можно и дать заглавие.

Н. ДУНАЕВСКАЯ.